

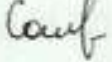

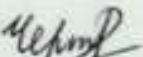
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра теории речи и перевода

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой
д-р филос. наук, проф.
 А. Ю. Иалева
03 июня 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРИ
ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА**

Автор бакалаврской работы 03.06.2019 М. Г. Солдатенкова
Обозначение бакалаврской работы БР-02069964-45.03.02-55-19
Направление 45.03.02 Лингвистика
Руководитель работы
д-р филос. наук, проф. 03.06.2019 А. Ю. Иалева
Нормоконтролер
канд. филол. наук, доц. 03.06.2019 С. В. Чертоусова

Саранск
2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра теории речи и перевода

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой
д-р филос. наук, проф.
ИИ А. Ю. Ивлева
16 января 2019 г.

ЗАДАНИЕ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ
(в форме бакалаврской работы)

Студент Солдатенкова Маргарита Геннадьевна

1 Тема Способы реализации переводческой стратегии при передаче культурного пространства художественного текста

Утверждена приказом № 230-с от 16.01.2019 г.

2 Срок представления работы к защите 03.06.2019 г.

3 Исходные данные для научного исследования: учебные пособия для вузов, толковые словари, научные публикации на иностранных языках, учебники отечественных авторов по теории переводоведения

4 Содержание выпускной квалификационной работы

4.1 Стратегия и тактика перевода

4.2 Способы реализации переводческой стратегии при переводе художественного текста

Руководитель работы	<i>ИИ</i>	16.01.2019	А. Ю. Ивлева
Задание принял к исполнению	<i>Солд</i>	16.01.2019	М. Г. Солдатенкова

РЕФЕРАТ

Выпускная квалификационная работа содержит 62 страницы, 51 источник.

ПЕРЕВОД, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА, ТАКТИКА ПЕРЕВОДА, ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ, ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ.

Объектом исследования является процесс перевода, его этапы и факторы, оказывающие влияние на его осуществление.

Предметом исследования являются стратегия перевода, тактика перевода, переводческие операции, их соотношение и закономерности формирования в рамках процесса перевода.

Цель работы заключается в определении способов реализации переводческой стратегии при передаче культурного пространства художественного текста.

В качестве методов исследования выбраны метод систематизации информации и метод компаративного анализа.

Практическим материалом исследования послужили роман американского писателя П. Боулза “The Sheltering Sky” и его переводы на русский язык А. В. Скидана (2001) и В. Б. Бошняка (2015).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Стратегия и тактика перевода	9
1.1 Подходы к определению понятия «стратегия перевода»	9
1.2 Тактика перевода и переводческие операции в теории перевода	15
1.3 Переводческий анализ текста как этап формирования стратегии перевода	19
1.4 Классификации стратегий перевода художественных текстов и способы их реализации	25
2 Способы реализации переводческой стратегии при переводе художественного текста	34
2.1 Перевод художественных текстов: тенденции и подходы	34
2.2 Особенности перевода романа П. Боулза “The Sheltering Sky”	36
2.3 Тактика прагматической адаптации текста	38
2.4 Тактика сохранения национального колорита текста	45
2.5 Тактика воспроизведения индивидуально-авторского стиля и тактика воспроизведения стилистических особенностей текста	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	58

ВВЕДЕНИЕ

Художественный текст как объект перевода всегда представлял особый интерес для исследователей и во многом способствовал развитию теории перевода как науки, так как во многих странах первые работы исследователей по переводу были посвящены именно этому типу текстов. Переводы художественных текстов занимают вполне определенное место в системе литературных взаимоотношений, со своими характеристиками, типологическими признаками и законами функционирования, связанными с их двойственной природой, существованием на стыке двух культур. Можно утверждать, что в нашей стране теория перевода стала развиваться, прежде всего, как наука о переводе художественных текстов.

На первом этапе (середина XX в.) переводоведы в основном занимались вопросами соотношения текстов оригинала и перевода на разных языковых уровнях, выявлением сходств и различий языков, описанием переводческих трансформаций и т. д. Исследователи уделяли внимание исключительно лингвистическим проблемам перевода, поэтому подход к переводу, использовавшийся в то время, называют лингвистическим. Затем в конце XX в. – начале XXI исследователи стали изучать прагматические аспекты перевода и учитывать экстралингвистические факторы, что положило начало развитию нового коммуниктивно-функционального подхода к переводу. В рамках коммуниктивно-функционального подхода к переводу были переосмыслены некоторые ключевые понятия в теории переводоведения. В настоящее время существует проблема определения понятий «стратегия перевода» и «тактика перевода», несмотря на тот факт, что эти понятия являются одними из центральных в переводоведении. Исследователи, придерживающиеся лингвистического подхода к переводу, часто используют эти понятия как взаимозаменяемые, в то время как представители коммуниктивно-функционального подхода к переводу придерживаются противоположной

точки зрения и разграничивают данные категории. Ситуация осложняется еще и тем, что в словарях переводческих терминов отсутствуют дефиниции данных терминов, поэтому у переводоведов нет возможности опираться в своих исследованиях на проверенные, зафиксированные в словаре определения. Из вышеизложенного следует, что отсутствие общепризнанного определения ведет, в том числе, и к неясностям в установлении отношений между этими понятиями. Формирование и выбор стратегии и тактики перевода – сложный процесс, обусловленный множеством факторов, такими как цель перевода, параметры и тип коммуникативной ситуации, тип переводимого текста, объективные различия в структуре языка оригинала и языка перевода, разница культур.

В нашей работе мы рассмотрели различные подходы к выделению стратегии перевода художественного текста, разграничили определения стратегии и тактики перевода, рассмотрели взаимосвязь переводческой стратегии, тактики перевода и переводческих операций, а также проанализировали возможные способы реализации переводческой стратегии при передаче культурного пространства на примере конкретного художественного произведения и двух версий его перевода.

Объектом бакалаврской работы является роман американского писателя П. Боулза “The Sheltering Sky” и его переводы на русский язык А. В. Скидана (2001) и В. Б. Бошняка (2015).

Предметом исследования является исследования является тактика перевода в рамках избранной стратегии при перевода, их соотношение и закономерности формирования в рамках процесса перевода.

Актуальность исследования состоит в том, что стратегия и тактика перевода являются неотъемлемыми составляющими процесса перевода, однако исследователи не могут прийти к единому мнению касательно дефиниций этих терминов и их роли в процессе перевода. В своем исследовании мы систематизировали теоретический материал по этой теме и проиллюстрировали

процесс реализации стратегии перевода на конкретных примерах.

Цель работы заключается в определении способов реализации переводческой стратегии при передаче культурного пространства художественного текста.

Достижение поставленной цели ставит перед нами ряд **задач**:

1) Дать характеристику понятию «стратегия перевода» в рамках лингвистического и коммуникативно-функционального подхода;

2) Разграничить понятия «стратегия перевода», «тактика перевода», «переводческие операции» и определить их роль и взаимосвязь в процессе перевода;

3) Рассмотреть значимость предпереводческого анализа как одного из этапов процесса перевода;

4) Проанализировать различные классификации стратегий перевода художественного текста и способы их реализации;

5) Произвести обзор актуальных тенденций в переводе художественного текста;

6) Проанализировать реализацию переводческой стратегии на примере тактик перевода, выделяемых в рамках коммуникативно-функционального подхода.

В качестве **методов** исследования выбраны метод систематизации информации и метод компаративного анализа.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что представленные в ней результаты исследовательской деятельности могут быть в дальнейшем использованы в качестве теоретического материала для обучения начинающих переводчиков переводу художественных текстов, поскольку это направление деятельности переводчиков в настоящее время является востребованным.

Структура. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников. Во введении определяется актуальность темы и цель работы, ставится ряд задач. В первой главе даются дефиниции центральным для нашей работы переводоведческим терминам в соответствии с разными подходами к переводу, и определяется их роль в процессе перевода. Вторая глава посвящена собственно анализу способов реализации переводческой стратегии при передаче культурного пространства художественного текста. В заключении подводится итог проделанной работы и дается обобщение полученных результатов. Список использованных источников включает 51 наименование.

1 Стратегия и тактика перевода

1.1 Подходы к определению понятия «стратегия перевода»

Понятие «стратегия перевода» широко используется в современной научной и учебной литературе для описания процесса перевода. Однако наряду с частым употреблением этого понятия существует проблема его четкой дефиниции. Различные исследователи вкладывают в него разное значение – как концепция перевода в целом или же концепция перевода отдельно взятого текста – и используют понятия «стратегия перевода», «переводческая стратегия» и «тактика перевода» как синонимичные. Любое понятие должен определять соответствующий термин, однозначно объясняющий его сущность.

В случае с вышеуказанным понятием ни один из терминов, используемых исследователями, не является общепризнанным. Термин «стратегия перевода» отсутствует в лингвистических и переводоведческих словарях: в толковом словаре переводческих терминов Р. К. Миньяр-Белоручева [29] и «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина [32], являющимся на данный момент одним из самых полных пособий для лингвистов и переводчиков. Кроме того, по мнению Н. А. Дьяконовой, сложность в определении четкой дефиниции данного понятия состоит еще и в том, что на стратегию перевода оказывает влияние множество экстралингвистических факторов: «Если внимательно рассмотреть все имеющиеся на данный момент определения переводческой стратегии, то окажется, что проблема определения состоит в том, что на саму стратегию влияет очень много факторов, таких как тип мышления переводчика, его склонность к аналитическим, синтетическим или ассоциативным процессам; его чувство исторического пространства текста, моторико-сенсорные операции, фактор личного отношения к тексту и той информации, которую данный текст передает; стандартные приемы и трансформации, которые переводчик вынужден осуществлять при переводе; его мировоззрение; воздействие всех стимулирующих и препятствующих переводчику факторов, с которыми он

постоянно сталкивается» [15, с. 64].

Обратимся к обзору подходов к трактовке указанного понятия, предложенному в статье А. Г. Витренко [10]. Автор пишет, что термин «стратегия перевода» употребляется в самом широком смысле, в значении «как надо переводить, искусство перевода». А. Д. Швейцер оперирует этим понятием в значении «программа переводческих действий» и «принципиальные подходы к решению частных проблем в рамках общей задачи». Он также указывает на то, что перевод как процесс складывается из двух этапов:

1) из выработки стратегии перевода (которую в рамках психолингвистики можно назвать определённой программой переводческих действий);

2) из определения конкретного языкового воплощения этой стратегии (т. е. переводческие операции, применяемые в процессе перевода конкретного текста) [45, с. 64–65].

Следовательно, согласно А. Д. Швейцеру, развернутое определение стратегии перевода должно выглядеть следующим образом: стратегия перевода – это последовательность определенных осознанно выбранных переводчиком действий, направленных на решение конкретных задач, появляющихся в процессе перевода. Выбор действий в свою очередь обусловлен жанром текста, целью ради которой перевод выполняется, а также определенными релевантными аспектами текста ИЯ, которые должны быть переданы в переводе.

В. Н. Комиссаров высказывает похожие мысли относительно выбора стратегии перевода. В. Н. Комиссаров считает, что «отчасти выбор стратегии может определяться характером переводимых текстов и теоретическими установками самих переводчиков» [23, с. 72]. Однако дефиниция самого понятия отличается от дефиниций, предложенных А. Д. Швейцером. Согласно В. Н. Комиссарову общая стратегия перевода представляет собой правильный подход переводчика к своей работе, своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика [23, с. 356]. Предполагается, что

переводчик знаком с общими принципами осуществления процесса перевода и применяет их на практике. Среди вышеупомянутых принципов В. Н. Комиссаров выделяет некоторые исходные постулаты, выбор общего направления действий, которым переводчик будет руководствоваться при принятии конкретных решений, и выбор характера и последовательности действий в процессе перевода [21, с. 356–357].

С другой стороны А. Г. Витренко отмечает, что термин «стратегия перевода» используется для обозначения общих переводческих подходов, например, «стратегия девербализации» (концентрация не на форме, а на смысле изложения) [16, с. 109], «стратегия буквального и вольного перевода» [25, с. 7], «стратегия доместикации / форенизации», [12, с. 172].

На основании предпринятого обзора А. Г. Витренко делает следующий вывод: «... Получается, что «переводческая стратегия» – это одновременно и всего лишь «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика» (надо все делать творчески, т. е. хорошо), и планы, направленные на решение конкретных задач, составляющих его общую задачу. А. Г. Витренко также заключает, что наличие большого числа различных определений термина «стратегия перевода» и определение, которое он самостоятельно выработал в ходе данного обзора, подтверждают общую неопределенность и размытость представлений о процессе перевода и о переводоведении, как науке. Автор предлагает отказаться от использования данного термина ввиду того, что он не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к научным терминам, т.к. не позволяет исследователям объективно изучить процесс перевода [10]. В. В. Сдобников в своей монографии «Перевод и коммуникативная ситуация» признает многозначность этого термина в переводческой литературе, однако не поддерживает предложение А. Г. Витренко совсем отказаться от его использования. В. В. Сдобников приводит следующие разумные аргументы в поддержку своей позиции: «...отказ от использования этого термина вряд ли приблизит нас к

познанию закономерностей перевода. Напротив, только четкое определение содержания понятия «стратегия перевода» поможет выявить эти закономерности, поскольку служит основой выработки определенного подхода к изучению перевода как вида человеческой деятельности, разумеется, при условии, что найденная дефиниция и соответственно предложенный подход к изучению перевода получают признание» [39, с. 113–114].

Мы считаем необходимым рассмотреть и сопоставить различные точки зрения на содержание понятия «стратегия перевода» в рамках лингвистического и коммуникативно-функционального подхода к переводу.

Переводоведение в нашей стране в значительной степени опирается на труды Я. И. Рецкера, и поэтому многие переводоведы воспринимают перевод как процесс преобразования языковых структур ИЯ в языковые структуры ПЯ, учитывая определенные закономерности [25, с. 11]. В связи с этим вполне логично, что в соответствии с лингвистическим подходом к переводу стратегия перевода понимается как совокупность действий, выполняемых переводчиком, совокупность переводческих операций, целью которых является решение какой-либо переводческой задачи. Определение, предложенное Т. А. Волковой, согласуется с этим утверждением. Т. А. Волкова пишет: «Можно определить стратегию перевода как неконечную совокупность профессиональных, эффективных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных приемов» [11, с. 21]. Данная дефиниция позволяет сделать вывод, что стратегия перевода – это не более чем совокупность взаимосвязанных переводческих операций, направленных на решение переводческих проблем.

Известный немецкий переводовед Х. Крингс также рассматривает стратегию перевода только лишь как способ решения частных переводческих проблем. Автор трактует это понятие как потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи, выделяя макро- и микростратегии,

т. е. приемы решения целого ряда проблем и пути решения конкретной проблемы (излагается по [21, с. 92]). Становится ясно, что по Х. Крингсу переводческие действия в рамках стратегии перевода направлены на то, чтобы преодолеть трудности, связанные либо с особенностями оригинального текста, либо с особенностями соотношения ИЯ и ПЯ. Следовательно, языковой материал является определяющим фактором, и переводчик не должен выходить за рамки переводимого текста. Трактовку понятия «стратегия перевода» Х. Крингсом можно назвать классической с точки зрения лингвистического подхода.

А. Ю. Ивлева пришла к следующим выводам после выполнения краткого обзора, отражающего основные моменты лингвистического подхода к определению содержательной наполняемости понятия «стратегия перевода»: «1. Существующие определения стратегии не отображают в полной мере механизм формирования стратегии перевода. 2. В существующих определениях роль экстралингвистических факторов сведена к минимуму. 3. Существующие определения во многом противоречат друг другу, этот факт приводит к возникновению их бесконечно возможного количества, лишая понятие четкой дефиниции» [17, с. 209].

С другой стороны, коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает наличие у перевода конечной цели, включение деятельности переводчика в коммуникативную ситуацию и учет ее особенностей. Рассмотрим определения стратегии перевода наиболее соответствующие данному утверждению.

Н. К. Гарбовский предлагает следующее определение: стратегия перевода, т.е. стратегия преобразования ИТ – это выбор определенной генеральной линии поведения в соответствии с осознанной переводчиком конечной целью перевода. Осознание переводчиком конечной цели имеет своим результатом выработку определенной переводческой концепции [13, с. 508]. Учет конечной цели перевода предполагает, что деятельность

переводчика рассматривается автором в контексте коммуникативной ситуации, и цель перевода определяется, учитывая ее параметры. Поведение подразумевает под собой определенную деятельность переводчика в данной коммуникативной ситуации: ориентирование в ситуации, осмысление целей и задач перевода и их решение на основе сформировавшейся концепции.

Схожую концепцию предложил Д. В. Псурцев, который как и А. Д. Швейцер, определяет стратегию перевода как программу действий переводчика, позволяющую достигнуть состояние адекватности перевода. Формирование стратегии перевода заключается: в определении задач, которые необходимо выполнить / иметь в виду при переводе данного текста, в ранжировании этих задач по степени важности, в определении системы необходимых жертв и компенсаций [36, с. 21]. Одним из главных достоинств предложенной концепции является указание на необходимость обдумать цель перевода (на этапе предпереводческого анализа) и фактор возможного изменения аудитории [36, с. 23].

И. С. Алексеева разработала определение стратегии перевода с опорой на взгляды Х. Крингса, однако в значительной мере видоизменила и развила положения, предложенные немецким исследователем. «Стратегия перевода, – пишет И. С. Алексеева, – это осознанно выработанный переводчиком в ходе экспертной коммуникативной деятельности алгоритм его действий, направленных на создание продукта – текста перевода, с обязательным учетом профессиональной этики переводчика» [3, с. 148].

Одним из самых важных этапов формирования переводческой стратегии является этап предпереводческого анализа, поэтому хотелось бы особенно выделить тот факт, что Алексеева включила в перечень задач, решаемых переводчиком на этапе предпереводческого анализа, и осуществляемых им действий: 1) сбор экстралингвистических сведений о тексте (данных об авторе текста, времени создания и публикации текста, знакомство с глобальным текстом, из которого был взят данный текст);

2) определение источника, реципиента и цели перевода (суть анализа – определить, кем текст порожден, для кого предназначен и какова цель создания перевода [3, с. 149–151]. Данное утверждение и рассмотрение автором текста как инструмента коммуникации согласуется с концепцией коммуникативно-функционального подхода к переводу, который предполагает установление максимального числа формантов коммуникативной ситуации, в которой перевод осуществляется на этапе предпереводческого анализа.

Мы считаем, что определение, в полной мере соответствующее коммуникативно-функциональному подходу к переводу и дополняющее возможные недостатки приведенных выше определений, было предложено В.В. Сдобниковым. Автор пишет: «Стратегия перевода – это общая программа осуществления переводческой деятельности в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [39, с. 135].

1.2 Тактика перевода и переводческие операции в теории перевода

Исходя из того, что многие исследователи используют понятия «стратегия перевода» и «тактика перевода» как взаимозаменяемые, мы можем сделать вывод, что в современном переводоведении термин «тактика перевода» также отличается некоторой неопределенностью. Не отрицая взаимной обусловленности данных понятий, мы все же считаем, что их необходимо разграничить. Принимая во внимание тот факт, что тактика перевода непосредственно связана со стратегией перевода, мы считаем вполне обоснованным одно из определений, предложенных В. В. Сдобниковым: тактика перевода – это совокупность способов и приемов достижения

поставленной цели перевода с учетом особенностей выработанной стратегии перевода [39, с. 138].

Понятия «способ», «прием» и «метод» в отношении перевода часто употребляются как синонимы, однако мы считаем необходимым их разграничить. Р. К. Миньяр-Белоручев пишет: «Способ перевода важно отличать от метода или приема перевода. Прием обычно решает частную задачу, он помогает преодолеть возникшую в целенаправленной деятельности трудность. Способ же есть основное правило достижения поставленной цели, которое отражает объективно существующие законы действительности» [30, с. 91]. Подтверждает это и определение, приведенное в «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина: «способ перевода – это объективно существующая закономерность перехода от одного языка к другому в переводческой деятельности» [32, с. 209]. Как правило, выделяют два способа перевода: интерлинейный и трансформационный способы перевода, соотносимые со знаковым и смысловым способами, предложенными Р. К. Миньяр-Белоручевым. Знаковый (интерлинейный) способ перевода предполагает деятельность переводчика без использования переводческих трансформаций. Соответственно, смысловой (трансформационный) предполагает их наличие. Выбор способа перевода зависит от вида перевода, характера переводимого текста и особенностей соотношения двух языков, используемых в процессе межязыковой коммуникации. При наличии возможности непосредственного перехода от знака ИЯ к знаку ПЯ, то переводчик использует лексическое соответствие, в противоположном же случае приходится использовать некую трансформацию [20, с. 19].

В свою очередь «прием перевода – это деятельность переводчика или конкретные операции, вызванные возникшими трудностями в процессе перевода» [32, с. 165]. Мы согласны с мнением О. В. Петровой и В. В. Сдобникова, что прием перевода – это некое действие или операция. «Прием перевода можно определить как переводческую операцию,

направленную на разрешение какой-то проблемы и предполагающую типизированную однотипность осуществляемых переводчиком действий» [40, с. 165]. Каждый отдельно взятый прием перевода может быть соотнесен со способом перевода. К примеру, знаковому способу перевода соответствуют транскрипция, транслитерация и калькирование.

Из этого следует, что прием перевода является ничем иным, как частным случаем переводческой операции. Переводческие операции, в свою очередь, включают в себя как межъязыковые соответствия, т. е. единицы языка перевода, регулярно используемые для перевода данной единицы языка оригинала [20, с. 41] так и переводческие трансформации. Л. С. Бархударов определяет переводческую трансформацию как межъязыковое преобразование, используемое, для достижения максимально полной передачи информации, заключенной в тексте оригинала, в тексте перевода, при строгом соблюдении норм ПЯ [5, с. 190]. А. Д. Швейцер считает, что под термином «трансформация» подразумевается отношение между исходными и конечными языковыми выражениями, замена одной формы выражения другой в процессе перевода [45, с. 118].

Мы можем сделать вывод, что « переводческая операция – это любое действие переводчика, направленное на выбор средств ПЯ с целью создания текста перевода» [39, с. 142]. Рассмотрим существующие классификации переводческих трансформаций на примере классификаций В. Н. Комиссарова и Л. С. Бархударова. Отличается подход авторов к выделению трансформаций: В. Н. Комиссаров делит все трансформации на лексические, грамматические и комплексные лексико-грамматические [20], Л. С. Бархударов, в свою очередь – на замены, добавления, опущения и перестановки [6]. В первом случае отражены транслитерация, транскрибирование и калькирование, однако Л. С. Бархударов не включает эти трансформации в свою классификацию. Прием, определяемый В. Н. Комиссаровым как модуляция, присутствует в классификации Л. С. Бархударова как замена следствия причиной и наоборот.

Приемы добавления и опущения рассматриваются В. Н. Комиссаровым как технические приемы перевода наряду с приемом перемещения лексических единиц, который в типологии Л. С. Бархударова называется перестановкой. Кроме того, некоторые исследователи выделяют и ряд других трансформаций, которые не вошли в указанные классификации.

На практике переводчик чаще всего сочетает различные способы и приемы перевода. При условии перехода такого сочетания в целенаправленную и запрограммированную (т. е. планируемую) систему приемов, учитывающую вид перевода и закономерно существующие способы перевода, мы можем говорить о методе перевода. К примеру, в письменном переводе применяют метод сегментации текста, в последовательном – метод системы записей, в синхронном – метод установления формально-знаковых связей [30, с. 100].

Возникает закономерный вопрос: определяет ли тактика перевода использование конкретных переводческих операций. Очевидно, что в наиболее значительной степени использование способов и приемов перевода определяется особенностями соотношения ИЯ и ПЯ. Однако их выбор также напрямую зависит от тактики перевода, которая, в свою очередь, обусловлена особенностями выработанной стратегии перевода.

Так, к примеру, при переводе художественного текста могут использоваться тактики сохранения и воспроизведения образной структуры текста, сохранение национального и временного колорита произведения, воспроизведение авторского стиля, воспроизведение функций стилистических приемов и т. д. Реализовать данные тактики возможно при помощи целого спектра трансформаций. Главной целью переводчика является передача необходимого воздействия на аудиторию, чтобы донести до читателя эстетическую ценность и эмоциональный посыл произведения. При переводе вышеназванных текстов трансформации могут применяться даже в том случае, когда в ПЯ существуют необходимые соответствия единицам ИЯ. Т. е.

переводчик отказывается от использования межъязыковых соответствий из-за специфики используемой тактики и стратегии перевода.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что способы перевода реализуются на практике в виде переводческих операций и фактически сводятся к ним. Совокупность конкретных переводческих операций, задействованных в процессе перевода какого-либо текста, позволяет определить использование того или иного способа перевода.

Мы можем проследить четкую зависимость практических действий переводчика от цели перевода в рамках реализуемой тактики и стратегии перевода. Это утверждение согласуется с мнением Д. М. Бузаджи о том, что вектор практических действий переводчика направлен на достижение адекватности, т.е. достижение цели перевода [9, с. 23].

В соответствии с приведенными нами выше определениями (стратегия перевода, тактика перевода, способ и прием перевода, переводческая операция) и анализом их соотношения и взаимодействия можно заключить, что перевод есть движение от общего к частному в следующем порядке: осознание цели перевода → формирование стратегии перевода соответствующей этой цели → выбор тактик перевода, которые обеспечат реализацию стратегии → использование переводческих операций, выбор которых зависит от выбранной стратегии и тактики.

1.3 Переводческий анализ текста как этап формирования стратегии перевода

Традиционно в процессе перевода принято выделять два основных этапа – этап восприятия текста оригинала и этап создания текста перевода. Некоторые исследователи предлагают включить в эту схему еще один промежуточный этап, в течение которого в сознании переводчика происходит переход от знаков одного языка к знакам другого языка [18]. Первый этап

процесса перевода чаще всего называют предпереводческим анализом текста. Среди альтернативных названий данного этапа можно выделить термин, предложенный В. В. Сдобниковым («переводческий анализ») [39, с. 181]. Автор справедливо полагают, что из термина «предпереводческий анализ» следует, что анализ текста осуществляется как бы «до переводчика», в то время как термин «переводческий анализ» прямо указывает на то, что анализ выполняет непосредственно переводчик. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать термин «переводческий анализ».

Различные исследователи подчеркивают в своих работах важность переводческого анализа текста для формирования программы будущей деятельности переводчика. М. П. Брандес указывает на то, что процесс перевода является очень сложной системой, включающей «текст-интерпретатор» как одну из подсистем. Данная подсистема представляет собой смоделированный процесс, который позволяет выявить структуру смысловой организации текста, которая, в свою очередь, играет роль более глобальной стратегии перевода и регулирует процесс перевода на этапе осуществления перекодирования выявленной смысловой модели на язык перевода [8, с. 16]. Анализ исходного текста рассматривается как отправная точка в формировании замысла перевода и в работе Б. А. Ольховикова: «Не подлежит сомнению, что замысел перевода, формируемый как продукт мыслительной деятельности переводчика, неотделим от переводческого видения авторского замысла, от переводческого его осмысления, от интерпретации переводчиком исходного текста, иначе – от его истолкования, а в соответствующих случаях от профессионального текстологического его обследования и своего рода герменевтического анализа оригинального текста – с целью его адекватного перевоплощения в языковой материал переводного текста» [34, с. 104]. Сущностью любого процесса перевода является интерпретация текста, однако она невозможна без понимания текста.

Прежде чем рассмотреть структуру переводческого анализа, мы считаем необходимым обратиться к вопросу о том, как переводчик воспринимает текст оригинала на этапе переводческого анализа. В некотором смысле восприятие текста оригинала переводчиком и восприятие человеком какого-либо объекта в реальности совпадают. Следовательно, переводчик, воспринимая оригинал, после выявления значения слов, понятия, закреплённого в слове, приходит к определению предмета и формирует его наглядный образ. Однако различия все же существуют. Во-первых, переводчик не воспринимает действительность непосредственно, восприятие опосредовано значениями, содержащимися в тексте. Во-вторых, процесс восприятия происходит в обратном порядке: от слова к понятию предмета, затем к наглядному образу и только затем к чувству. В сознании переводчика также возникает образ ситуации в реальной действительности или предметная ситуация, которая в дальнейшем станет объектом описания средствами языка перевода.

Схожая последовательность отражена в предложенной И. И. Ревзиным и В. Ю. Розенцвейгом ситуативно-денотативной модели процесса перевода. Положения этой модели иллюстрирует процесс перевода следующим образом: сначала переводчик выясняет значение языковых единиц, затем соотносит их с соответствующими объектами реальной действительности, и в конечном итоге формирует наглядный образ описанной в тексте оригинала ситуации. На втором этапе происходит описание этой ситуации с помощью средств переводящего языка, выражающих смысл, заключённый в тексте оригинала. Передача смысла оригинала в тексте перевода является необходимым условием осуществления качественного перевода, однако это возможно только, если в сознании переводчика возникает наглядный образ описываемой ситуации. Из чего мы можем заключить, что результатом анализа текста оригинала должно стать появление зрительного образа, что свидетельствовало бы о понимании переводчиком смысла оригинала [37].

Рассмотрим структуру переводческого анализа с точки зрения различных исследователей. В учебном пособии по переводу М. П. Брандес и В. И. Провоторов пишут: «Смысл пособия состоит в том, чтобы будущий переводчик усвоил для себя, что он переводит не просто язык текста (т.е. язык, который накладывается на фактуальное, предметное содержание) и не просто текст как фактуальное содержание (т.е. содержание, лишенное внутренней оформленности), а переводит язык, который является результатом информационной переработки фактуального содержания текста, является выражением многократно осмысленного содержания». Иными словами, он переводит не только, «о чем» говорится в тексте (это очень простой и неадекватный вид перевода), а «что» говорится и «как» это выражается в самом тексте и языке текста. «Что» и «как» – за этими словами стоит смысл текста, т. е. информационное содержание текста, которое складывается из содержания («что») и формального, также смыслового («как») [7, с. 3]. Действия переводчика на этапе переводческого анализа авторы описывают следующим образом: «Когда переводчик приступает к переводу, он через язык текста должен выяснить для себя глобальные вещи – в каком речевом жанре выполнен текст и в каком функциональном стиле этот текст существует. Специфику языка и текста, все оценочно-смысловые оттенки текста определяет не фактуальное содержание, а речевой жанр и функциональный стиль, которые изнутри пронизывают фактуальное содержание...» [7, с. 3–4]

Авторы придерживаются традиционного лингвистического подхода к переводу и рассматривают текст обособленно без учета экстралингвистических параметров, придавая большее значение функциональному стилю и речевому жанру нежели другим не менее важным характеристикам текста. Так, М. П. Брандес делит переводческий анализ на три шага:

1) внимательное многократное вчитывание в текст и выявление общих жанрово-стилистических особенностей текста. Для художественных текстов – художественное направление и «образ говорящего субъекта» (образ автора). На

этом же этапе выявляются процессные параметры коммуникации – тип жанровости (репортажность, полемичность и т.д.), а для «образа автора» – эпичность, драматичность, лиричность, а также специфика повествовательной речи: письменная – устная, дистантная – контактная, обработанная – необработанная;

2) установление внутренней структуры способа коммуникации в тексте, т.е. на каких композиционно-речевых формах (КРФ) построено изложение содержания;

3) анализ конкретного языка в тексте [7, с. 4–5].

В.В. Сдобников как представитель коммуниктивно-функционального подхода к переводу считает, что анализ особенностей текста оригинала и использованных в нем языковых средств является лишь одним из этапов переводческого анализа. В.В. Сдобников пишет: «Можно, вероятно, говорить о двух уровнях переводческого анализа – макроуровне и микроуровне. На микроуровне в центре внимания интерпретатора находится собственно текст с его особенностями композиции, языка и – шире – жанра. Через установление жанровой принадлежности текста делается вывод о его коммуникативной направленности. На макроуровне текст рассматривается как инструмент достижения определенной цели в определенной экстралингвистической ситуации, как продукт речепорождения, помогающий реализовать некую коммуникативную интенцию» [39, с. 192–193].

В большей или меньшей степени данному утверждению соответствуют несколько концепций, предложенных такими переводоведами, как И. С. Алексеева, Н. А. Каширина, О. В. Петрова, И. А. Цатурова.

В своей работе «Переводческий анализ текста» Н. А. Каширина и И. А. Цатурова предлагают анализировать следующие аспекты: содержание, суть текста; общая стилевая характеристика текста; жанровая принадлежность, а также «тип жанровости»; функциональная доминанта (коммуникативное задание); информативность текста; экспрессивность текста; прагматика

отправителя и адресата; формальная и формально-смысловая структура текста [43, с. 22].

В данном пособии авторы также обращают внимание читателей в основном на определении жанровой принадлежности текста и способы создания текстов в соответствии с жанровыми конвенциями. Несмотря на то, что в структуре анализа присутствуют такие пункты как коммуникативное задание и прагматика отправителя / получателя, трактуются они достаточно узко, что не позволяет в дальнейшем выработать переводческую стратегию, опираясь только на предложенные параметры.

Одними из самых проработанных и целостных схем, учитывающих все необходимые факторы, мы считаем схемы предложенные отечественными переводоведами И. С. Алексеевой и О. В. Петровой.

Согласно концепции И. С. Алексеевой переводческий анализ текста состоит из следующих этапов:

- 1) сбор внешних сведений о тексте (автор текста, время создания и публикации текста, глобальный текст);
- 2) источник и реципиент текста;
- 3) состав и плотность информации;
- 4) коммуникативное задание текста;
- 5) речевой жанр [3, с. 149–156].

О. В. Петрова указывает, что переводческий анализ текста включает выяснение следующих факторов:

- 1) тематическая отнесенность текста;
- 2) цель создания оригинала (коммуникативное назначение исходного текста);
- 3) цель создания перевода;
- 4) адресат перевода;
- 5) композиция текста;
- 6) жанрово-стилистические характеристики текста [35, с. 38–42].

Мы согласны с положением коммуникативно-функционального подхода, что переводческий анализ должен быть комплексным и включать в себя не только анализ лингвистических особенностей текста, но и анализ коммуникативной ситуации, в которой перевод осуществляется.

1.4 Классификации стратегий перевода художественных текстов и способы их реализации

Внимание исследователей к особенностям перевода художественных текстов предопределило связь литературоведения и переводоведения. По мнению Л. Л. Нелюбина, литература в качестве предмета исследования литературоведения стала стимулом, сформировавшим литературоведческую теорию перевода, фактором, заложившим основу лингвистической теории перевода, полем деятельности, определившим типы и формы перевода, на котором реализовывались переводческие умения и навыки. Также вслед за Л. Л. Нелюбиным в рамках нашего исследования художественный текст рассматривается как отдельное, в высшей степени индивидуальное произведение художественной речи, являющееся целостной единицей [31, с. 65]. Исследуя перевод художественного произведения, необходимо, безусловно, принимать во внимание следующие определяющие характер перевода параметры: специфика межкультурной коммуникации, субъективное видение и воссоздание переводчиком концептуальной информации оригинала. Специфика художественного перевода заключается в том, чтобы не только донести до читателей прямой смысл текста, но и передать общую атмосферу, художественные образы, характеристики персонажей. Особые трудности, связанные с переводом именно текстов художественной направленности, обусловлены следующими особенностями текстов данного типа дискурса:

- 1) описание действительности выражено образами;

2) текст формирует у читателя определенное отношение к художественному замыслу произведения;

3) степень активности читателя, призываемого «домысливать» за автором;

4) выраженная авторская позиция.

Как зарубежные, так и отечественные переводоведы до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно единственно правильной переводческой стратегии (или комбинации стратегий) и единственно верной модели воссоздания оригинала. Бесспорно, избранная переводчиком стратегия, помимо влияния оригинала и необходимости достижения эквивалентности, определяется прочими объективными и субъективными факторами, такими как: цель перевода, целевая аудитория перевода, образ мышления переводчика, ценностная ориентированность, культурологические особенности языка оригинала и перевода и т. д. Таким образом, специфика перевода текста художественного произведения с одного языка на другой в рамках межкультурной коммуникации заключается в необходимости выбора между двумя основными подходами к точной передаче языковых единиц, а именно эксплицированием содержания культурно-маркированных лексем с возможным сохранением норм языка оригинала в самом тексте и в то же время нивелированием существующих расхождений в процессе межкультурной адаптации переводимого текста.

Теоретиками перевода выделяются несколько видов переводческих стратегий, применяемых переводчиками в процессе работы над художественным переводом. Так, исследователи подразделяют их на стратегии культурного освоения, «переселения иностранного автора к читателям» или коммуникативный перевод и отчуждения, то есть предоставления читателям возможности прочувствовать чуждость переводного произведения или филологический перевод. И. Г. Гердер поддерживает использование филологического перевода, в котором переводчик передает подлинник слово в

слово, даже по возможности с теми же интонационными звучаниями [26, с. 193]. Отметим, что в своей статье «Брюсов и буквализм» М. Л. Гаспаров утверждает принцип «золотой середины» в переводе, отмечая что «буквализм – не бранное слово, а научное понятие» [14, с. 42]. А. Г. Азов, автор книги «Поверженные буквалисты», посвященной истории раннего советского переводоведения, следующим образом трактует вышеупомянутый принцип: «переводчик как будто сквозь слова подлинника видит прямо изображённую в нем действительность и воссоздает из нее то, что нам близко и дорого, с собственным творческим размахом» [1, с. 88]. Дословность допустима в переводе и зависит как от субъективных факторов (эстетические взгляды переводчика, уровень профессионализма, стоящие перед переводом коммуникативные задачи и т. д.), так и от объективных предпосылок (характер переводимого текста). Например, использование стратегии дословного перевода при переводе коротких, «отрывистых» предложений, как в английском, так и в русском тексте способствует созданию и передаче эмоционального напряжения в тексте. Кроме того, вышеупомянутая стратегия особенно эффективна в случае, когда наиболее важным оказывается содержание переводимого текста и в переводе необходимо сохранить терминологию исходного сообщения.

Наиболее употребительными стратегиями, использующимся при переводе художественного текста являются стратегии форенизации (способе приближения языковых норм родного языка к лингвистическим и культурным нормам иностранного языка в процессе перевода) и доместикации (ориентированности текста на ценности принимающей культуры). В качестве стратегии перевода он высоко оценивает потенциал форенизации как наиболее практичной стратегии, направленной на сохранение самобытности иноязычного текста, когда расширяется связь между языками. В отношении доместикации действует следующий принцип: данная стратегия эффективна при отказе от передачи изначальных авторских интенций с целью максимально адаптировать лексику с учетом норм переводимого языка или, как указывает Я. Кайрала, «это

способ репрезентации чужого и непонятого текста в понятных терминах принимающей культуры» [19, с. 16]. Отметим, что Л. Венути позиционирует принцип доместикации и форенизации как переменные, играющие в зависимости от времени и культурно-исторического статуса стран текстов оригинала и перевода. То есть нивелирование или подчеркивание культуры текста оригинала имеет непосредственную связь с необходимостью создания этноцентрического перевода или, напротив, перевода-сопротивления [48, с. 41].

Параллельно с выбором стратегии приближения перевода к принимающей культуре или же наоборот создания перевода-сопротивления, переводчик принимает решение относительно того, на какую эпоху ему ориентироваться: эпоху создания оригинала или перевода, то есть осуществлять намеренную архаизацию перевода в соответствии с эпохой оригинала или последовательное осовременивание перевода согласно требованиям времени создания перевода. В данном случае переводчик должен решить следующую дилемму: сохранить актуальность произведения, наряду с возможностью возникновения противоречий между семантико-стилистическими параметрами оригинала и перевода или же, используя противоположную модернизации стратегию архаизации перевода, достичь исторической стилизации перевода, приведя его в соответствие с нормами языка эпохи создания оригинала.

Рассмотренные выше стратегии перевода реализуются в рамках традиционного лингвистического подхода к переводу и реализуются с использованием целого спектра трансформаций синтаксических, лексических и морфологических структур. Однако в рамках коммуникативно-функционального подхода особое внимание уделяется задаче, стоящей перед переводчиком, то есть на целевую функцию текста, а также на адресата перевода. Указание на цель художественного перевода иногда содержится в самих определениях этого вида переводческой деятельности. Так, В. Н. Комиссаров писал: «художественным переводом именуется вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в

порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на ПР» [23, с. 95]. При этом предполагается, что по своему характеру художественно-эстетическое воздействие со стороны перевода должно быть близко – насколько возможно с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов – к воздействию со стороны оригинала.

Мы считаем необходимым рассмотреть классификацию стратегий перевода, предложенную В. В. Сдобниковым, в контексте работы над переводом художественного текста. Исследователь выделяет:

- 1) стратегию коммуникативно-равноценного перевода;
- 2) стратегию терциарного перевода;
- 3) стратегию переадресации [38, с. 119].

Так как речь при переводе художественных текстов идет о необходимости создания функционального аналога оригинального текста на другом языке, чаще всего используется стратегия коммуникативно-равноценного перевода, предполагающая создание функционального аналога оригинала, реализацию авторского замысла в тексте на другом языке и обеспечение аналогичного или близкого к этому воздействия на получателя перевода. В рамках этой стратегии используются следующие тактики перевода: тактика прагматической адаптации текста для приближения текста к восприятию реципиентов, тактика эксплицирования подразумеваемой информации, что связано с различной степенью реализации импликации в разных языках [39, с. 248]. Кроме передачи когнитивной информации переводчику необходимо передать стилистические особенности текста, представленные в виде эмоционально-экспрессивных языковых и речевых средств. К группе тактик, нацеленных на воспроизведение стилистических особенностей оригинала, относятся: тактика воспроизведения стилистических характеристик текста, тактика воспроизведения стилистической тональности текста, тактика воспроизведения индивидуального стиля автора, тактика

стилистической адаптации текста [39, с. 213–257]. Для сохранения культурного своеобразия оригинала целесообразно использовать следующие тактики:

- 1) сохранения национального колорита исходного текста;
- 2) хронологической адаптации текста;
- 3) тактика воссоздания образной структуры текста [39, с. 275].

Вместе с тем в определенных коммуникативных ситуациях переводчик бывает вынужден отказаться от достижения функциональной эквивалентности. Мы имеем в виду ситуации, в которых инициатор перевода не заинтересован в получении функционального аналога оригинала либо создание функционального аналога по определенным причинам невозможно. Чаще всего потребности предметной деятельности инициатора перевода таковы, что исключают саму необходимость создания функционального аналога оригинала. Отличная от традиционной цель перевода определяет необходимость использования иных стратегий перевода. К числу таких стратегий относятся стратегия терциарного перевода и стратегия переадресации.

Терциарный перевод (термин был предложен М. Я. Цвиллингом [44, с. 84] – это, по сути, перевод в интересах «третьих лиц», то есть лиц, не вовлеченных непосредственно в коммуникацию с автором оригинала. Согласно В. В. Сдобникову, стратегией терциарного перевода называется «общая программа переводческой деятельности, направленная на создание ПТ, удовлетворяющего потребности носителя ПЯ, который играет иную коммуникативную роль, нежели участники первичного коммуникативного события в культуре ИЯ, и преследует иную цель, отличную от цели автора оригинала» [39, с. 162]. Принципиальным отличием стратегии терциарного перевода от стратегии коммуникативно-равноценного перевода является то, что она не предполагает реализацию коммуникативной интенции автора, его авторского замысла в тексте на ином языке. Одной из разновидностей терциарного перевода художественного текста является так называемый филологический перевод. Данный вид перевода полезен и пригоден для

специальных и специфических целей: например, для фрагментарного цитирования поэзии в научно-филологических работах, для академических изданий литературных памятников», рассчитанных на узкий круг педантичных специалистов, которых подлинник интересует как источник фактуальной и формально-стилистической информации. В данном случае цель перевода заключается в создании текста на ПЯ, который способен удовлетворять потребности получателя в рамках его особой предметной деятельности, не имеющие ничего общего с потребностью в эстетическом удовлетворении.

Вполне очевидно, что основной тактикой при использовании стратегии терциарного перевода является тактика передачи основной когнитивной информации. Вместе с тем одной из особенностей филологического перевода является использование тактики комментирования инокультурных реалий. Цель комментариев – облегчить фактическое понимание текста, то есть его содержания. Однако если при использовании стратегии коммуникативно-равноценного перевода комментариев не должен отвлекать читателя от восприятия основного текста как художественной сущности, то в филологическом переводе комментарий сам приобретает значимость основного текста и представляет собой филологическое исследование, сопутствующее тексту литературного памятника и способствующее его интерпретации. Одновременно с помощью различных стилистических приемов также реализуются тактика воспроизведения стилистических особенностей текста и тактика воспроизведения жанрово-стилевых особенностей текста (особенности, которые связывают текст с определенным прототипическим жанром).

Стратегия переадресации предполагает создание текста на ПЯ, предназначенного для получателя, который отличается от получателя оригинала не только своей национально-культурной принадлежностью (что вполне обычно для ситуации межкультурной коммуникации вообще), но и своими социальными характеристиками, прежде всего возрастом и уровнем

образования. Использование стратегии переадресации означает, что текст как бы разворачивается в сторону аудитории, отличной по своим характеристикам от аудитории ИТ. Очевидный пример – перевод «взрослого» художественного произведения в расчете на детскую или юношескую аудиторию. Здесь важно отметить то, что получатели ПТ выступают в той же коммуникативной роли, что и получатели ИТ, а инициатор перевода ожидает, что переведенный текст окажет на получателей ПТ то воздействие, которое он в принципе может оказать с учетом возраста или уровня образования получателей ПТ в данной коммуникативной ситуации. Разумеется, по своему характеру это воздействие не может быть идентичным или хотя бы довольно близким к воздействию со стороны оригинала. Но вместе с тем можно утверждать, что перевод и в этом случае выполняет ту же функцию, что и оригинал, то есть функцию художественно-эстетического воздействия. После осуществления некоторых модификаций, аудитория получает возможность воспринимать текст в необходимой форме.

В рамках стратегии переадресации используются следующие тактики перевода: тактика модификации композиционной структуры текста, выражающаяся в изменении структуры текста для более легкого его восприятия аудиторией; тактика модификации семантической структуры текста с целью упрощения содержания текста (основные приемы осуществления этих тактик – прием опущения коммуникативно-нерелевантной информации, генерализация и резюмирование); тактика модификации синтаксической структуры текста, решающая задачу упрощения формы ИТ (основные приемы – разбивка предложений, перераспределение содержания); тактика модификации стиля повествования, снижающая стилистическую тональность повествования (основные приемы – отказ от использования архаичных синтаксических конструкций и книжной лексики); тактика модификации типа повествования, т.е. изменение лица, от которого ведется повествование; и, конечно же, не стоит

забывать о тактике передачи основной когнитивной информации [39, с. 413–437].

2 Способы реализации переводческой стратегии при переводе художественного текста

2.1 Перевод художественных текстов: тенденции и подходы

В рамках сравнительного литературоведения как вид переводческой деятельности художественный перевод рассматривается в качестве особой разновидности художественных произведений, «занимающих определенное место в системе литературных взаимоотношений, со своими характеристиками, типологическими свойствами, законами функционирования, связанными с их «двойной» принадлежностью и возникновением на стыке двух разных культур [41]. Литературоведческие исследования, по мнению Н. К. Гарбовского отличает попытка сравнить и охватить весь текст произведения, как оригинала, так и перевода, чего, по мнению исследователя, не хватает основной массе лингвистических исследований [13, с. 176]. Одним из несомненным достоинств литературоведческих исследований перевода можно назвать особое внимание к механизмам функционирования художественного текста как единого целого, к его способности оказывать некое эстетическое воздействие на реципиента, а также к природе этого воздействия и к степени соответствия эффектом производимых оригиналом и переводом. Кроме того, уделяется внимание и такому аспекту, как взаимосвязь текста и среды, которая обусловила его появление.

Безусловно, развитие общей теории художественного перевода не представляется возможным без учета результатов многочисленных литературоведческих исследований. Однако в этой связи необходимо отметить и вклад лингвистического подхода к исследованиям. Таким образом, для противопоставления литературоведческого и лингвистического подходов не существует достаточных оснований. Согласно А. В. Федорову «всякая задача, разрешаемая в переводе (идейно-эстетическая применительно к художественной литературе) разрешается только языковыми средствами.

Разумеется, идейно-правильное истолкование подлинника, проникновение в его художественное своеобразие, высокая культура переводчика – все это необходимые предпосылки для решения задачи, но средство ее решения (не самоцель, конечно) – это язык» [42, с. 5].

Говоря об общих тенденциях современной теории художественного перевода, следует отметить, прежде всего, приверженность сегодняшних исследователей к использованию метода сопоставительного анализа оригинального художественного текста и вариантов его перевода, а также сдвиг ориентации с оригинала художественного произведения на текст перевода, на его прагматический аспект.

Среди множества задач стоящих перед переводчиком следует особенно отметить сохранение и передачу индивидуальной манеры автора. Однако эти задачи трудновыполнимы, поскольку любой перевод неизбежно ведет к замене тех или иных выразительных средств другими, принятыми в литературной традиции языка перевода, а выбор варианта перевода имеет субъективный характер, ориентированный на личность переводчика. Следовательно, возникает противоречие: с одной стороны, чтобы осуществлять художественный перевод, переводчик сам должен обладать литературным талантом, – по сути, быть писателем. С другой стороны, чтобы быть писателем, нужно иметь свое видение мира, свой стиль и манеру письма, которые могут отличаться от авторских. Таким образом, в процессе художественного перевода происходит столкновение двух творческих личностей, предполагающее либо сотрудничество, либо конфликт. Для того чтобы оно стало сотрудничеством, переводчик должен вжиться в авторскую эстетику, в его образ мыслей и способ их выражения. Помимо этого для полноценного перевода требуется глубокое знание всего творчества автора и всех обстоятельств создания переводимого произведения. Нельзя отрицать многофункциональность художественного текста, поскольку, помимо эстетической функции, он имеет коммуникативно-прагматическое назначение. Именно учет коммуникативно-прагматической

функции речевого произведения имеет большое значение при художественном переводе. Прочитав художественное произведение в переводе, читатель должен явно почувствовать силу литературного таланта автора оригинала. Если переводчику удалось этого добиться, можно говорить об адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта оригинального текста.

Перед тем, как приступить непосредственно к переводу, переводчику необходимо установить ряд существенных моментов, способствующих воспроизведению прагматического потенциала оригинала для достижения поставленной коммуникативной задачи. Во-первых, переводчик должен уяснить коммуникативный смысл создателя текста, определяемый некоей потребностью. Во-вторых, целесообразно установить основную функцию текста. Каждый текст обладает приоритетной функцией, целью которой является оказание определенного прагматического воздействия на рецептора текста. В-третьих, в прагматических аспектах перевода большое внимание уделяется коммуникативной направленности исходного сообщения.

2.2 Особенности перевода романа П. Боулза “The Sheltering Sky”

Для сопоставительного анализа оригинала и двух версий перевода мы выбрали роман американского писателя и композитора П. Боулза “The Sheltering Sky”, написанный автором в 1949 году. Роман «Под покровом небес» был переведен на русский язык дважды: в 2001 году перевод романа осуществил А. В. Скидан, а в 2015 он был повторно переведен В. Б. Бошняком.

Прототипами главных героев произведения супругов Порты и Кит Морсби стали сам автор и его жена Джейн Ауэр. По сюжету произведения пара американцев отправляется в путешествие по Северной Африке в попытке убежать от войны и возродить свои отношения. В путешествии вглубь Африки к ним присоединяется их друг Джордж Таннер, который очень увлечен Кит. Во время странствий по разным городам Порт заболевает тифом и умирает, после

чего Кит, отвергнув помощь Таннера, присоединяется к каравану туарегов. Один из торговцев делает Кит своей любовницей и увозит ее далеко на юг в гарем, где она практически теряет счет времени и ориентацию в пространстве. После того, как ей удается сбежать с помощью других жен торговца, она подвергается нападению толпы на улице и окончательно теряет рассудок. С помощью сестер милосердия и Джорджа Таннера Кит наконец добирается до цивилизации на севере и ждет отправления на родину.

Столкновение двух типов мышления, двух противоположных культур – современной, западной, и древней, укорененной в традиции, – будучи сквозной темой творчества Боулза, никогда не разрешается в пользу какой-либо одной стороны. Он никогда не опускается до политической басни или морали, но использует его как событие зеркальной встречи западного человека с инородным в себе. Такие встречи неизбежно катастрофичны. Характеры персонажей постепенно раскрываются на фоне описания культуры и местности. Каждая новая грань личности не добавляет слоев повествованию, а напротив – обнажает фасад, которым скрыты разложение и упадок. Европейцы и американцы постоянно протестуют против местной грязи и убожества, однако на самом деле в Африке они не в своей стихии и просто не способны адаптироваться к другому укладу жизни.

Мы решили выбрать именно это произведение объектом своего исследования, потому что в нем смешивается множество различных культур: американская, французская, арабская и местные африканские культуры, создавая особое многогранное культурное пространство. В тексте произведения присутствуют различные реалии, представлено детальное описание городов в разных африканских странах, ландшафта, а также противопоставление западного и традиционного укладов жизни. Так как темой нашего исследования являются способы реализации стратегии перевода при передаче культурного пространства художественного текста, этот роман представляет для нас особый интерес.

В ходе анализа нескольких произведений П. Боулза мы выявили следующие черты, присущие индивидуальному стилю автора:

- 1) обилие диалогов;
- 2) частое использование риторических вопросов, как в диалогах, так и во внутренних монологах персонажей;
- 3) чередование сложносочиненных, сложноподчиненных конструкций и бессоюзных средств связи в рамках одного предложения;
- 4) яркие необычные эпитеты и метафоры;
- 5) использование большого количества национально-маркированной лексики;
- б) эпизодическое использование диалектизмов.

В рамках этой работы мы анализируем оригинал и две версии перевода этого произведения через призму коммуникативно-функционального подхода к переводу, согласно которому реализация процесса перевода выглядит следующим образом: стратегия перевода → тактика перевода → переводческие операции. Как нами уже было отмечено ранее, наиболее часто при переводе художественных текстов используется стратегия коммуникативно-равноценного перевода. В следующем разделе рассмотрим реализацию переводческих тактик и операций, использование которых характеризует стратегию коммуникативно-равноценного перевода на конкретных примерах.

2.3 Тактика прагматической адаптации текста

Тактика прагматической адаптации текста способствует выполнению одной из главнейших задач, стоящих перед переводчиком художественного текста – коммуникативной задачи. При оценке качества переводов нужно исходить из соответствия образов оригинала образам перевода. Как утверждает А. А. Аكوпова «критерий верности перевода подлиннику должен быть, заключен в целостном образе художественного бытия оригинала, причем

критерий верности каждого отдельного образа перевода – соответствующий ему образ в оригинале» [2, с. 89]. Первоначально художественные произведения, безусловно, рассчитаны на носителей языка оригинала, но в большинстве случаев переводятся на другие языки, поэтому прагматические факторы в них играют важную роль. Стоит отметить, что для достижения нужного коммуникативного эффекта в распоряжении переводчика есть ряд приемов, помогающих ему разъяснить те моменты исходного текста, которые могут быть непонятны для читателей. Эти приемы составляют так называемую прагматическую адаптацию перевода. Прагматическая адаптация представляет собой изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны рецептора перевода. Что касается понятия коммуникативно-прагматического эффекта в первом значении, то не всегда можно его достичь. Ведь даже текст, ориентированный на людей, относящихся к одному и тому же обществу, вызывает разную реакцию в силу различий личностных данных этих людей, не говоря уже о людях другой культуры, другого мировоззрения. Об этом факте справедливо говорит В. Н. Комиссаров: «одинаковая реакция читателей оригинала и перевода не является обязательной целью любого перевода, а в некоторых случаях она принципиально недостижима, вследствие особенностей рецепторов перевода, невозможности определить реакцию рецепторов оригинала и ряда других причин» [24, с. 76]. Реакции носителя языка и читателя перевода могут совпадать только тогда, когда их личностные характеристики совпадают. Это означает, что совпадают архетипы реакций индивидов, классы реакций на исходный текст и на переводной текст. В этом смысле равноценность регулятивного воздействия исходного текста и переводного текста означает буквально следующее: тексты на разных языках дают своим адресатам объективную возможность одинаково отреагировать на сообщение, а будут ли реакции разноязычных адресатов эквивалентными, зависит от степени совпадения их индивидуально-личностных свойств.

Перейдем к непосредственным переводческим операциям, используемым в ходе осуществления тактики прагматической адаптации. В. Н. Комиссаров выделяет следующие переводческие операции:

- 1) экспликация подразумеваемой информации с помощью дополнений в тексте или примечаний к нему;
- 2) опущение коммуникативно-нерелевантной информации, препятствующей пониманию оригинала получателем;
- 3) замену неизвестных или непонятных получателю лексических единиц на известные с аналогичным значением;
- 4) генерализацию;
- 5) конкретизацию [24, с. 21–214].

1) В качестве классического примера экспликации можно привести перевод следующего предложения:

The wind, straight from the south, blew across the barren mountains that were invisible ahead of him, over the vast flat sebkha to the edges of the town, raising curtains of dust that climbed to the crest of the hill and lost themselves in the air above the harbor [49, с. 18].

Да, это он и есть – тот самый ветер, что, налетая прямо с юга, перепрыгивает голые горы (сейчас невидимые, они высятся где-то там, впереди), пробегает над плоским ложем пересыхающего соленого озера (себхи, если по-местному) и врывается на окраину города, поднимая завесу пыли, которая сразу окутывает весь городской склон холма и рассеивается в воздухе уже над гаванью [50, с. 38].

Ветер, дувший с юга, со стороны невидимых ему, лишенных растительности гор, расположенных впереди, пересекал бескрайнюю плоскую себху и двигался дальше, в направлении городских окраин, взметая на своем пути завесы пыли, поднимавшейся на гребень холма и терявшейся далеко над портом [51, с. 8].

В переводе В. Б. Бошняка присутствует примечание «плоское ложе пересыхающего соленого озера», объясняющее незнакомое получателю понятие «себха», что упрощает восприятие оригинала.

Тогда как в переводе А. В. Скидана «себха» оставлена без изменения, что также допустимо, поскольку в русском языке существует такое понятие. Однако, по нашему мнению, первая версия перевода с примечанием более удачна, так как читатель может не обладать необходимыми фоновыми знаниями.

Кроме того, в приведенном предложении также используется тактика сохранения национального колорита текста, так как себха – это явление характерное сугубо для пустынь Северной Африки. Однако более подробно мы остановимся на реализации этой тактики в следующем разделе.

Иногда прием экспликации просто необходим для корректной передачи фактической информации в тексте. Примером может послужить следующий отрывок:

2) *I'll tell you what it is. It's a film in Arabic called Fiancee for Rent. That's what it says under the title* [49, с. 11].

– *А я скажу, что они крутят. Фильм на арабском под названием «Невеста напрокат». Там на афише под названием французский перевод дан* [50, с. 27].

– *Фильм на арабском языке, называется «Невеста напрокат». Если верить афише* [51, с. 5].

В переводе В. Б. Бошняк использует добавление «французский перевод», что является вполне целесообразным в этой ситуации. В оригинале название фильма дается на французском, тогда как в обоих вариантах перевода оно представлено на русском. Однако существует необходимость передать тот факт, что оба героя говорят по-французски, но не понимают арабский, и поэтому Порт прочитал и сослался на французский перевод названия, данный на афише под оригинальным названием на арабском языке. В переводе

А. В. Скидана у получателей создается впечатление, что герои говорят еще и на арабском, что не соответствует действительности.

Однако в некоторых случаях использование экспликации неоправданно:

3) *He sat up, gazed around the tawdry room, put his hand to his forehead, and sighing deeply, fell back onto the bed* [49, с. 3].

Сел, обвел взглядом безвкусно обставленную комнату, пощупал ладонью лоб и, глубоко вздохнув, вновь откинулся на подушку [50, с. 15].

Он сел, обвел взглядом аляповатую комнату, приложил руку ко лбу и с глубоким вздохом упал обратно в постель [51, с. 2].

В первом варианте перевода В. Б. Бошняк использует добавление и экспликацию подразумеваемой информации для передачи значения «tawdry». В *Oxford Advanced Learner's Dictionary* (здесь и далее мы будем использовать этот словарь в качестве основного источника дефиниций) это слово определяется как “intended to be bright and attractive but cheap and of low quality” [47]. Переводчик использует прием добавления, и в его версии текста определение «безвкусный» относится именно к обстановке комнаты, хотя в оригинале это только подразумевается.

А. В. Скидан использует вариант «аляповатая комната», что более близко к тексту оригинала, так как словарные дефиниции двух прилагательных практически совпадают. Кроме того, мы не можем с уверенностью утверждать, что автор описал именно обстановку как безвкусную или аляповатую, это определение могло относиться и к отделке комнаты. Поэтому вариант «аляповатая комната» кажется нам более уместным в этом контексте.

4) Рассмотрим примеры генерализации в переводе:

In the next room he could hear his wife stepping about in her mules on the smooth tile floor, and this sound now comforted him, since he had reached another level of consciousness where the mere certitude of being alive was not sufficient [49, с. 3].

Из соседней комнаты доносились шаги – там по гладкому кафельному полу шаркала тапочками жена, и этот звук вновь успокоил его, ибо теперь он достиг того уровня сознания, на котором простой уверенности в том, что ты жив, уже маловато [50, с. 15].

В соседней комнате по гладкому плиточному полу расхаживала в туфлях без пяток его жена, и сейчас этот звук успокоил его, ибо он достиг того уровня сознания, когда одной уверенности в том, что ты жив, уже недостаточно [51, с. 2].

В приведенном предложении особенное внимание стоит обратить на средства передачи реалии “mules”. В словаре этому слову дается следующее определение: “a soft shoe for wearing indoors that is open around the heel”. В первом варианте перевода В. Б. Бошняк предпочел генерализировать эту реалию и использовал более привычный для русского читателя вариант «тапочки», однако это переводческое решение мы считаем ошибочным с точки зрения достижения эквивалентного прагматического воздействия на реципиента. В то время как А. В. Скидан дает более удачную интерпретацию, приближенную к словарной дефиниции и помогающую создать у получателя необходимое представление об обуви героини: «туфли без пяток». Возможно, переводчику стоило еще добавить прилагательное «домашние», так как в дефиниции прямо указывается, что эта обувь предназначена для ношения в помещении.

5) They listened fascinated as the aria, drawing to a close, made the orthodox preparations for the inevitable high final note. Presently Kit said: “Now that that’s over, I’ve got to have another bottle of Oulmes.”

“My God, more of that gas? You’ll take off” [49, с. 8].

Будто под гипнозом, они слушали, как певица, подбираясь к концу арии, занимается банальнейшими приготовлениями к неизбежной высокой финальной ноте.

– Ну вот, одно мучение кончилось, – дождавшись, сказала Кит. – Это надо запить еще одной бутылочкой «Ульмес».

– Боже мой, сколько можно надуваться этим газом? Ты взлетишь! [50, с. 22]

Как замороженные они слушали, как ария, приближаясь к развязке, совершала традиционные приготовления для неотвратимой высокой финальной ноты. Немного погодя Кит сказала:

– Наконец-то. Теперь я бы не отказалась от бутылки «Ольмейской».

– Бог мой, еще одну порцию этой шипучки? Ты же опять выпьешь залом [51, с. 4].

В приведенном отрывке оба переводчика неоднократно использовали конкретизацию с целью достижения равноценного коммуникативного эффекта на получателя. В первом предложении для перевода фразы “they listened fascinated” В. Б. Бошняк подобрал контекстуальное соответствие «будто под гипнозом, они слушали», используя конкретизацию. В оригинале дается более нейтральное описание действия героев, что удалось сохранить А. В. Скидану в его варианте «как замороженные они слушали, под гипнозом» же несет ярко-выраженную эмоциональную окраску и помогает получателю представить знойный полдень в африканском городе, так как жара, зной, пустыня часто ассоциируются с гипнозом или галлюцинациями.

Для предложения “My God, more of that gas?” переводчиками было предложено два варианта перевода “gas”: «газ» (В. Б. Бошняк) и «шипучка» (А. В. Скидан). Из контекста понятно, что речь идет о газированной минеральной воде, и поэтому оба варианта как нейтральный, так и конкретизированный, основанный на свойстве минеральной воды шипеть и пениться, здесь вполне уместны.

2.4 Тактика сохранения национального колорита текста

Тактика сохранения национального колорита текста используется при переводе художественных текстов в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода, целью которого является создание текста на ПЯ, который бы оказывал на получателя воздействие, аналогичное воздействию оригинала на носителей языка. Однако носители языка, т.е. получатели оригинала хорошо знакомы с предметной ситуацией, описанной в произведении, поскольку она является для них привычной и родной. Как отмечает О. В. Петрова, получатель оригинала даже не замечает «своих» реалий в тексте [40, с. 392]. Тогда как получатель перевода сталкивается с абсолютно другой реальностью, характерной для представителей другой культуры, к которой он по определению не может относиться таким же образом, как носители языка оригинала. Поэтому иноязычные реалии так заметны для получателей текста на ПЯ. Таким образом, мы имеем противоречие, возникающее между целью создания текста перевода и рассматриваемой тактикой. Однако если взглянуть на вопрос с другой стороны, это противоречие легко разрешимо. Цель создания текста перевода состоит не только в увеличении читательской аудитории с помощью носителей ПЯ, но и в создании у них реалистичного представления о характеристиках произведения, творческой манере автора, передаче авторского отношения к описываемой предметной ситуации и, безусловно, передаче общей концепции произведения.

Текст художественный всегда отражает менталитет народа, сформировавшийся в условиях определенной культурной среды, и сам является частью этой среды. Следовательно, носители ПЯ должны воспринимать героев художественного произведения как представителей определенного менталитета, находящихся в типичной для них обстановке. В случае если произведение лишено национального колорита, герои находятся как бы вне пространства. Кроме того, если используется стратегия

доместикации, персонажи уже не воспринимаются читателями как представители другой культуры, отличной от их собственной. В обоих случаях читатель может не понять мотивы поступков персонажей, их переживания и в целом воспринимать персонажей отдельно от реальности произведения. Таким образом, результатом применения тактики сохранения национального колорита становится приближение восприятия читателя к авторскому замыслу и возможность испытать эмоции, сравнимые с эмоциями носителей языка при прочтении этого произведения, что и является целью стратегии коммуникативно-равноценного перевода.

Что же создает национальный колорит текста? Он создается, прежде всего, за счет различных реалий: бытовых (одежда, пища, напитки, утварь, посуда, танцы, музыкальные инструменты, единицы измерения и валюты), географических и этнографических (географические названия, наименования национальных групп, фольклорные понятия), общественно-исторических (звания, титулы, чины, организации, партии) и, наконец, пословиц и поговорок [39, с. 80–81].

При реализации этой стратегии переводчику следует руководствоваться принципом умеренности. В случае неукоснительной передачи всех особенностей национального колорита текст загромождается огромным количеством ненужной получателю информации, что препятствует восприятию целостного художественного образа. Кроме того, знакомство читателя с культурой языка оригинала изначально не входило в задачи, которые ставил перед собой автор, т. е. переводной текст приобретает дополнительную «страноведческую» функцию» [40, с. 397]. Необоснованным также является использование типичных для принимающей культуры реалий взамен оригинальных даже при условии одинакового смысла, особенно это касается употребления аналогов пословиц и поговорок.

Перейдем к рассмотрению реализации этой тактики на конкретных примерах из переводов В. Б. Бошняка и А. В. Скидана.

1) *It lit a cigarette, and for a moment he saw an Arab wearing a chechia on his head* [49, с. 18].

Незнакомец прикурил сигарету, и на миг Порту сделался виден араб в шешии [50, с. 38].

Она зажгла сигарету, и на мгновение перед ним предстал араб в феске [51, с. 8].

Перед переводчиками стояла задача передать инокультурную реалию “chechia”. В первом случае В. Б. Бошняк воспользовался регулярным соответствием в русском языке «шешия» и оставил реалию без какого-либо пояснения. По контексту читателю не составит никакого труда понять, что речь идет о традиционном арабском головном уборе, распространенном в этой местности.

Во втором же случае переводчик использовал слово «феска» для передачи этой реалии, тем самым допустив культурологическую неточность. Шешия произошла от этого турецкого головного убора, однако она имеет свои отличительные черты и распространена преимущественно в Тунисе.

2) В некоторых случаях переводчик даже добавляет национальный колорит в текст перевода, облегчая восприятие оригинала:

The staccato sound of a hand drum came from above, tapping indolent patterns above a sea of voices [49, с. 21].

Сверху доносилось стаккато бендира, инструмента, похожего на бубен; чьих-то руках он вяло подрагивал, задавая ритм колыханию моря голосов [50, с. 43].

Сверху несло барабанное стаккато: отбиваемый руками вялый ритмический рисунок над морем голосов [51, с. 9].

В оригинале автор описывает музыкальный инструмент как ручной барабан и по определению им может быть любой барабан, в который играют руками, а не палочками или молотом, т. е. этим инструментом может быть как бубен, так и более крупные напольные барабаны, на которых также играют

руками. В. Б. Бошняк добавляет информацию, отсутствующую в оригинале и предполагает, что герой слышал именно звуки инструмента под названием бендир, что вполне вероятно, учитывая определение этого слова (традиционный рамочный барабан, распространенный в Северной Африке).

А. В. Скидан предпочел генерализировать название инструмента и не придавать ему никакой национальной окраски.

4) *When they were on the terrace in the starlight, with an oud being plucked idly in the dark nearby, he said to his companion: "But I didn't know there was anything like this left in this city [49, с. 21].*

Когда они были уже на террасе под звездами и где-то неподалеку из темноты зазвучали ленивые переборы струн уда, этого предшественника европейской лютни, Порт сказал своему спутнику: – А я и не знал, что в этом городе еще осталось нечто подобное [50, с. 44].

Когда они оказались на террасе под звездным небом (кто-то невидимый в темноте лениво пощипывал струны арабской лютни), он сказал своему спутнику: – Не знал, что в городе сохранилось нечто подобное [51, с. 10].

В оригинале автор упоминает музыкальный инструмент уд – струнный щипковый инструмент, распространённый в странах Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии, особенно в Армении, Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане, Иране и Турции.

В первом варианте перевода переводчик прибегает к постоянному соответствию для передачи названия музыкального инструмента, тем самым сохранив его национальный колорит. Кроме того, переводчик добавил сравнение с европейской лютней, чтобы воссоздать в голове читателя еще и зрительный образ этого инструмента.

Во второй версии перевода А. В. Скидан также решил одновременно выполнить две задачи: помочь читателю создать зрительный образ инструмента, так как лютня более знакома русскому читателю, чем уд, и одновременно обеспечить сохранение национального колорита и связь с

арабской культурой. Однако выбранный переводчиком вариант не соответствует предметной действительности – во-первых, уд и лютня – это все же разные инструменты, во-вторых, как видно из приведенного выше определения уда, этот инструмент распространен не только в арабских странах, поэтому словосочетание «арабская лютня» сложно назвать удачным примером применения тактики сохранения национального колорита.

5) Как уже было отмечено ранее, особую трудность для переводчиков может представлять передача пословиц и поговорок, так как это предполагает нахождение золотой середины между сохранением национального колорита в понятной для реципиента оболочке и воздержанием от «одомашнивания» этих реалий с целью приблизить предметную ситуацию, используя привычные для читателя фразеологические единицы.

He reflected on this as he lay, looking into her untroubled face, remembered that he was leaving for the south in a day or two, inwardly swore at his luck, and said to himself. "Better half a loaf" [49, с.32].

Он лежал и размышлял об этом, глядя на ее невозмутимое лицо; вспомнив о том, что через день-другой ему ехать на юг, он внутренне попенял на обстоятельства и сказал себе: «Что ж, хоть какой-то кусок урвать...» [50, с. 62]

Он поразмыслил над этим, пока лежал, глядя в ее невозмутимое лицо, вспомнил, что через день-два отправляется на юг, мысленно призвал удачу и сказал себе: «Лучше что-то, чем ничего» [51, с. 16].

В оригинале автор использует идиому “better half a loaf” со значением: you should be grateful for something, even if it is not as good, much, etc. as you really wanted; something is better than nothing [47]. Переводчики решили не использовать стратегию доместикации и воздержаться от русского эквивалента «лучше синица в руках, чем журавль в небе». В обоих вариантах они предпочли нейтрализовать эту идиому, однако стоит отметить, что вариант, использованный А. В. Скиданом, также является устойчивым речевым

оборотом, хоть его и нельзя отнести к разряду пословиц или поговорок. Перевод В. Б. Бошняка лишен идиоматичности и имеет стилистическую окраску отличную от оригинального выражения и к тому же противоречащую образу Порты как персонажа. Порт – прекрасно образованный представитель американской интеллигенции, и его реплики можно охарактеризовать как довольно образные и даже несколько возвышенные (хотя в его речи очень редко проскальзывают ругательства, когда того требует ситуация), поэтому появление в его речи слова урвать с несколько сниженной стилистической окраской выглядит странно.

2.5 Тактика воспроизведения индивидуально-авторского стиля и тактика воспроизведения стилистических особенностей текста

Именно художественный текст позволяет автору в наибольшей степени проявить свою творческую индивидуальность, поэтому так важно при переводе применять тактику воспроизведения индивидуально-авторского стиля, что является необходимым условием реализации стратегии коммуникативно-равноценного перевода.

Однако для понятия индивидуально-авторский стиль довольно размыто и одновременно тесно связано со стилистическими особенностями всего произведения, т.е. стилистики характерной для конкретного языкового жанра.

В. В. Сдобников дает следующее определение этому понятию: «индивидуально-авторский стиль художественного произведения можно определить как систему выразительных средств языка, сознательно отобранных автором с целью решения определенной творческой задачи в соответствии с идейно-художественной концепцией произведения, включая общие, повторяющиеся во всех произведениях, особенности языка данного автора» [39, с. 298]. Следовательно, если индивидуально-авторский стиль отличает язык конкретного автора, то его черты должны прослеживаться во всех его

произведениях, а также быть частью общей стилистики художественного произведения. Разграничить понятия «стиль художественного произведения» и «индивидуально-авторский стиль» можно следующим образом: общность частотных языковых средств во всех произведениях автора следует отнести к индивидуально-авторскому стилю, тогда как средства реализации авторской концепции, присутствующие в конкретном произведении, относятся к стилю художественного произведения и составляют его уникальность. Однако стоит отметить, что границы весьма условны и на практике разделить эти два явления довольно сложно.

Как уникальная узнаваемость текста, его звучание, так и индивидуальность творчества в целом формируются системой языковых средств, традиционно используемых автором. В. В. Сдобников считает, что переводчику нужно воссоздать это неповторимое звучание с помощью ресурсов ПЯ, однако не стоит заострять внимание на отдельных чертах индивидуально-авторского стиля. Следовательно, необходимо перейти с уровня отдельных языковых средств (которые, конечно же, нельзя игнорировать полностью) на уровень всего творчества автора в целом [39, с. 301]. Для переводчика очень важно учитывать следующее: функцию стилистических средств в контексте произведения и общий характер стилистической окраски, созданной совокупностью использованных автором стилистических средств.

Согласно классификации стилистических средств М. Д. Кузнец и Ю. М. Скрёбнева по уровням языка, все стилистические средства делятся на следующие группы [39]:

- 1) фонетические: аллитерация, ассонанс, звукоподражание ;
- 2) морфологические: морфемы могут обладать собственной стилистической окраской и тем самым влиять на стилистическую окраску слова, в состав которого они входят;
- 3) лексические: лексические единицы могут принадлежать к разным стилям, также допустимо создание авторских окказионализмов;

4) синтаксические: разные виды союзной или бессоюзной связи, повторы, эллипсисы, инверсии, анафоры, эпитеты и прочие синтаксические языковые средства.

Следует особое внимание уделить расхождению стилистических традиций в разных языках. Например, для английского художественного дискурса довольно характерно использование лексики, относящейся к сниженному регистру, что является средством речевой характеристики персонажей и обеспечивает достоверность повествования. Однако в русском языке буквальное стилистическое соответствие используется редко и только отдельными авторами, так как считается, что в переводе на русский эта сниженная лексика прозвучит грубее в контексте художественного произведения.

Рассмотрим реализацию двух рассматриваемых нами в этом разделе тактик в версиях перевода романа:

1) *“I know, Tunner,” she said, “but I can’t get my mind off water. It doesn’t matter what I look at, it makes me thirsty. For once I feel as if I could get on the wagon and stay there. I can’t drink in the heat”* [49, с. 8].

– Знаю, Таннер, – отозвалась она, – но я, кроме воды, ни о чем думать не могу. На что бы ни посмотрела, все вызывает жажду. Зато я наконец-то чувствую, что готова сесть в поезд и никуда оттуда не рваться. А пьянствовать на такой жаре я не способна [50, с. 23].

– Знаю, Таннер, – сказала она, – но я не могу не думать о воде. На что бы я ни посмотрела, меня начинает мучить жажда. Однажды мне показалось, что я могу выпить цистерну. Алкоголь в такую жару не для меня [51, с. 4].

Однако в следующем случае использование конкретизации, по нашему мнению, стало излишним и придало нежелательную стилистическую окраску словам героини. Во втором варианте слово “drink” было заменено на нейтральный вариант «алкоголь», тогда как в первом случае слово «пьянствовать» имеет явно более негативную окраску и дополнительное

значение, которого нет в оригинале, так как согласно словарной дефиниции пьянствовать – постоянно и в большом количестве пить спиртные напитки.

2) Следующий пример иллюстрирует способы передачи стилистически сниженной лексики, использованные переводчиками в разных версиях перевода:

“It’s such a humiliating dream. Can’t you see?”

“Oh, crap!” [49, с. 15]

– *Но этот сон... он такой унижительный! Неужто не чувствуешь?*

– *Да ну на хрен!* [50, с. 28]

– *Это унижительный сон. Разве ты не понимаешь?*

– *Чушь!* [51, с. 5]

В. Б. Бошняк в своем переводе сохранил стилистическую окраску восклицания Порты “crap” и использовал русский эквивалент «да ну на хрен», подходящий по регистру. Тогда как А. В. Скидан предпочел несколько смягчить резкое высказывание героя и предложил более нейтральный вариант «чушь».

3) *The air reeked of lilies, and it was also tinged with the sour smell of drains* [49, с. 22].

Там стоял густой и не слишком приятный запах лилий, к тому же смешанный с благоуханием отхожего места [50, с. 45].

Воздух был напоен ароматом лилий, к которому примешивался резкий запах отбросов [51, с. 10].

Согласно словарной дефиниции “reek” имеет негативную коннотацию, а именно: to smell very strongly of something unpleasant [47]. В переводе В. Б. Бошняка эта коннотация сохранена, и запах лилий описан как не слишком приятный. Однако в переводе А. В. Скидана этот отрывок приобретает совсем другое значение, так как использованный им оборот «напоенный запахом лилий» подразумевает противоположность и обычно ассоциируется с приятным запахом цветов.

Кроме того, стоит обратить внимание на слово “drains”, которое по-разному интерпретировано переводчиками. Словарь дает следующую дефиницию этому понятию: a pipe that carries away dirty water or other liquid waste [48]. Среди регулярных соответствий для этого слова можно отметить «канализация» и «сточная канава». Однако ни один из этих вариантов не фигурирует в переводах. В. Б. Бошняк использует выражение «отхожее место» в сочетании со словом «благоухание», образующими в сочетании друг с другом оксюморон, что, во-первых, противоречит предметной ситуации, и, во-вторых имеет более разговорную стилистическую окраску в отличие от нейтральных вариантов, приведенных выше. В переводе А. В. Скидана происходит замена целого на его часть (синекдоха), т. е. канализации или сточной канавы на отбросы.

4) *He said: “You don’t know this street? It’s called Rue de la Mer Rouge [49, с. 20].*

– *Не знаешь этой улицы? Называется рю де ла Мер Руж [50, с. 42].*

– *Вы не знаете эту улицу? Она называется Rue de la Mer Rouge [51, с. 9].*

В обоих случаях переводчики предпочли оставить название улицы на французском языке, используя метод транскрипции или вовсе оставив без изменений, и дать перевод в сноске внизу страницы. Однако из контекста отчетливо понятно, что герои разговаривают между собой по-французски (*Hé! M’sieu! Qu’est-ce ti vo? Порт решил ответить. С французским у него было все в порядке*) [50, с. 38].

Тогда почему же переводчики решили не давать перевод сразу в тексте перевода? Если обратить внимание на диалоги в оригинале, можно проследить, что сам автор намеренно оставляет некоторые фразы на французском даже в том случае, когда коммуникация осуществляется на этом языке (*“Je ne sais pas si je veux y aller ce soir, ” he reflected, aloud. The Arab began to pull Port’s sleeve in his excitement. “Si, si!” he cried. “Viens! I’ll pay you a drink*) [49, с. 21]. Эту особенность можно отнести к индивидуальному стилю автора, который,

вероятно, использует такое сочетание фраз на разных языках в пределах одного высказывания как метафору городов в Северной Африке, где тесно переплетаются различные культуры. Кроме реплик на французском в тексте также встречаются фразы на испанском “*La vida es pena*” и арабском языках “*Ouahad atai*”. Поэтому переводчики решили последовать примеру автора и сохранить это причудливое смешение культур в своем переводе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы выяснили, что согласно лингвистическому подходу к переводу термины «стратегия перевода» и «тактика перевода» часто используются как взаимозаменяемые, что в дальнейшем приводит к отсутствию четкого плана реализации переводческой стратегии. Кроме того, сторонники вышеупомянутого подхода к переводу в основном фокусируются на лингвистических параметрах текста, в то время как тенденции в современном переводоведении и, в частности, в переводе художественных текстов, указывают на возросшую важность прагматического аспекта текста.

В нашем исследовании мы рассмотрели реализацию переводческой стратегии в рамках коммуникативно-функционального подхода к переводу, согласно которому этот процесс состоит из следующих этапов: 1) осознание цели перевода; 2) формирование стратегии перевода; 3) определение тактики перевода; 4) использование конкретных переводческих операций.

В качестве предмета сопоставительного анализа нами был выбран роман американского писателя П. Боулза “The Sheltering Sky” и два варианта его перевода, выполненные А. В. Скиданом и В. Б. Бошняком в 2001 и 2015 годах соответственно.

В процессе перевода была использована стратегия коммуникативно-равноценного перевода, предполагающая создание функционального аналога произведения на языке перевода со схожим художественно-эстетическим воздействием, и следующие тактики перевода: тактика прагматической адаптации, тактика сохранения национального колорита текста, тактика воспроизведения стилистических особенностей произведения и индивидуально-авторского стиля.

Проанализировав примеры из произведения, можно сделать вывод, что для реализации тактики прагматической адаптации текста и облегчения

восприятия получателем инокультурных реалий переводчики чаще всего использовали следующие приемы: добавление, переводческий комментарий, генерализация, конкретизация.

При реализации тактики сохранения национального колорита текста переводчики прибегали к использованию регулярных и вариантных соответствий, добавлению, переводческому комментарию, генерализации, конкретизации.

Тактика сохранения стилистических особенностей и индивидуально-авторского стиля текста реализуется с помощью нейтрализации, генерализации, транскрипции и различных стилистических приемов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азов А. Г. Поверженные буквалисты : Из истории художественного перевода в СССР в 1920-е–1960-е годы / А. Г. Азов. – М. : ВШЭ, 2013. – 304 с.
2. Акопова А. А. Образ и художественный перевод / А. А. Акопова. – Ереван : Издво АН АрмССР, 1985. – 149 с.
3. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2001. – 288 с.
4. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. – М. : Международные отношения, 2008. – 184 с.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод : Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : «Международные отношения», 1975. – 240 с.
6. Бархударов Л. С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык / Л. С. Бархударов // Тетради переводчика. – Вып. 21. – М. : Высшая Школа, 1984. – С. 38–48.
7. Брандес М. П. Предпереводческий анализ текста : учеб. пособие / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – 3-е изд., стер. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 1456 с.
8. Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка) / М. П. Брандес. – М. : Высшая школа, 1988. – 127 с.
9. Бузаджи Д. М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев / под ред. д-ра филол. наук, проф. И. И. Убина. – М. : ВЦП, 2009. – 120 с.
10. Витренко А. Г. К вопросу о терминологии современного переводоведения / А. Г. Витренко // Вестник МГЛУ. – 2008. – Вып. 536:

Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода / отв. ред. Д. И. Ермолович. – С. 3–17.

11. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода / Т. А. Волкова. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 128 с.

12. Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода : дис. ... д-ра филол. наук / Г. Д. Воскобойник. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. – 296 с.

13. Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

14. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм / М. Л. Гаспаров // Поэтика перевода. – М. : Радуга, 1988. – С. 29–62.

15. Дьяконова Н. А. Функциональные доминанты текста как фактор выбора стратегии перевода : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Дьяконова. – М. : РГБ, 2003. – 185 с.

16. Заиченко А. И. Синхронный перевод : выбранная стратегия или отражение когнитивных способностей человека? / А. И. Заиченко // Университетское переводоведение. Вып. 5: Материалы международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 23 – 25 октября 2003 г. – СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2004. – С.107–117.

17. Ивлева А. Ю. К вопросу об определении понятия «стратегия перевода» / А. Ю. Ивлева // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. – Самара : Самарский университет им. С. П. Королева, 2016. – С. 207–212.

18. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 69–90.

19. Кайрала Я. Специфика перевода окказионализмов в детской фэнтезийной литературе / Я. Кайрала. – Тампере : Институт современных языков, 2013. – 65 с.

20. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Международные отношения, 1980. – 167 с.
21. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода (Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых) : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999. – 136 с.
22. Комиссаров В. Н. Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М. : Международные отношения, 1973. – 216 с.
23. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.
24. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
25. Комиссаров В. Н. Эвристическая ценность моделей перевода / В. Н. Комиссаров // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – Вып. 295: Теория и практика перевода. – М. : МГПИИЯ, 1987. – С.8–16
26. Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода / П. И. Копанев. – Минск : БГУ им. Ленина, 1972. – 296 с.
27. Латышев Л. К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков / Л. К. Латышев. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 280 с.
28. Макарова Л. С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода : дис. ... д-ра филол. наук / Л. С. Макарова. – М. : МГЛУ, 2006. – 364 с.
29. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев / отв. ред. М. Я. Блоха. – М. : «Готика», 1999. – 176 с.
30. Миньяр-Белоручев Р. К. Последовательный перевод. Теория и методика обучения / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1969. – 288 с.
31. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико- прагматический аспект) : учеб. пособие. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 216 с.

32. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. – 3-е изд., перераб. / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.
33. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1990. – 917 с.
34. Ольховиков Б. А. Замечания об особенностях филологического анализа и текстологического истолкования текста при переводе / Б. А. Ольховиков // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. – Вып. 444. – М. : МГЛУ, 1999. – С. 103–114.
35. Петрова О. В. Модель предпереводного анализа текста / О. В. Петрова // Методические основы подготовки переводчиков : нижегородский опыт. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. – С. 38–42.
36. Псурцев Д. В. Стратегия перевода. Пособие по письменному переводу с английского языка на русский для завершающего этапа обучения / Д. В. Псурцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Р. Валент, 2013. – 188 с.
37. Ревзин И. И. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. – М. : Высшая школа, 1964. – 244 с.
38. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода / В. В. Сдобников. – Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – Вып. 14. – Н. Новгород : ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. – 248 с.
39. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация : монография / В. В. Сдобников. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 464 с.
40. Сдобников В. В. Теория перевода : учебник для переводчика : научно-теоретический сб. / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001. – 306 с.
41. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. / П. М. Топер. – М. : Наследие, 2000. – 254 с.
42. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. Лингвистические проблемы / А. В. Федоров. – 2-е изд., перераб. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 376 с.

43. Цатурова И. А. Переводческий анализ текста. Английский язык : учеб. пособие с методическими рекомендациями / И. А. Цатурова, Н. А. Кащирина. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Перспектива : Союз, 2008. – 296 с.
44. Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках : сб. научн. ст. / М. Я. Цвиллинг. – М. : Восточная книга, 2009. – 288 с.
45. Швейцер А. Д. Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
46. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. – СПб. : Европейский Дом, 2004. – 242 с.
47. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> . – Загл. с экрана.
48. Venuti L. The Translator's Invisibility / L. Venuti. – London, New York : Routledge, 1995. – 324 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ

49. Боулз П. Под покровом небес / П. Боулз. – СПб. : Азбука, 2015. – 384 с.
50. Боулз П. Под покровом небес / П. Боулз. – СПб. : Симпозиум, 2001. – 416 с.
51. Bowles P. The Sheltering Sky / P. Bowles. – New York : HarperCollins Publishers, 2005. – 313 с.